

Покаянная дисциплина на Руси

2–3

Обыкновенный фашизм

4–5

«Принести себя в жертву»

6–7

Вечная Пасха Дахау

8

ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА ХРИСТА

Из слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла за Божественной литургией в Неделю 3-ю Великого поста, Крестопоклонную, 4 апреля 2021 года.

Святителю Феофану принадлежат слова: «Лучше пострадать в этом мире и в этой жизни, чем страдать в жизни вечной», — он их произнес, размышляя о смысле человеческих страданий.

Действительно, нет ни одного человека, который бы не проходил через страдания, через некие муки, даже будучи внешне достаточно благополучным и счастливым; не говоря уж о тех, кто и внешне неблагополучен, несчастлив, кто болеет, нуждается, кто становится инвалидом и, наконец, оказывается на смертном ложе — все это страдания, которые принадлежат нашей жизни.

Бог не производит ничего, что не есть благо, потому что Он есть Любовь. Всякое страдание и зло — не по воле Божией (ибо не Бог творец зла), но по воле человеческой. И мы знаем из Священного Писания, с чего все началось, — с того, что первые люди отказались от жизни по Божию закону, нарушили Божественную заповедь, а потому были удалены от общения с Богом и лишены Божественной благодати, которая предохраняла их от всяких болезней и скорбей. Избыток Божественной благодати испепелял всякую возможность совершения зла как людьми, так и окружающими их животными. Все было в гармонии, во взаимном согласии, и все было разрушено человеческим грехом. Поэтому первично не страдание, а первичен грех, а значит, путь избавления от страданий лежит через преодоление греха.

И вот о каких аналогиях здесь, может быть, следует задуматься. В числе страданий, которые выпадают на долю человека, — осуждение, заключение под стражу, тюрьма, тяжелые работы; это средоточие и максимальное проявление человеческого несчастья, особенно в сочетании с болезнями, внутренними скорбями. Но ведь не от хорошей жизни эти скорби постигают человека, а как результат совершения преступления, нарушения закона и правопорядка. И для того чтобы человек раскаялся и с него было снято всякое обвинение, он и проходит через наказание, ведь заключение под стражу, тюремный срок — это и есть наказание за совершенное преступление.

А для чего испытывать человеческое здорье, волю, для чего надирать человеческую психику? Зачем проводить человека через скорбь в ответ на совершенное им преступление? Все это укладывается в некую логику человеческой жизни, но имеет и более глубокий смысл, потому что заключение под стражу имеет своей целью не просто наказание, а исправление человека. Что толку, если человек будет наказан, но не исправится — мы знаем, нередко так и бывает? Но подлинное наказание, которое настигает человека после совершенного им преступления, имеет своей целью исправление.

Что же это означает? Это означает, что человек должен искупить страданием свою вину, свое преступление, свой грех. И если это справедливо и укладывается в логику человеческого бытия в отношении каждого из нас, то насколько же все это справедливо в отношении всего человечества, которое было помрачено совершением первородного греха! А после первородного греха — какие огромные, до небес, горы всякого беззакония и зла были совершены по человеческой

воле! И как же все это могло быть прощено человечеству без искупления?

Господь, являя неизреченную любовь к Своему творению, принимает на Себя эту муку. Он Самого Себя, в Сыне Своем Единородном, отдает на мучения, на страшную позорную смерть, которая и должна была искупить человеческие грехи и действительно их искупила. Вот в чем смысл того, что было совершено на кресте. Конечно, это величайшая Божественная тайна, но в конце

концов, Мои пути — не ваши пути, говорит Господь. Действительно, путь Божий — это не путь человеческий, и как нам, идущим по нашим маленьким дорожкам, уразуметь величие Божественного пути? Но все-таки что-то нам открывается, в том числе через слово Божие, и мы понимаем, что крест, страшные мучения и казнь, которые принимает Сын Божий и Сын Человеческий, Господь наш Иисус Христос, есть не что иное, как искупление, которое могло действительно испепелить грех всего человеческого рода, — и Господь совершил все это.

Сегодня мы вспоминаем Его крест, Его страдания, мы преклоняемся перед Его крестом и, как всегда, молимся о своем. Так уж создан человек — даже опускаясь на колени перед крестом, мы молимся о своем. Но, опускаясь на колени перед крестом, нужно в первую очередь возблагодарить Господа за Его жертву, за Его любовь ко всем нам, через которую мы получили спасение и искупление наших собственных грехов.

Именно кресту посвящается третье воскресенье Великого поста, находящееся в самом его центре, а также последующая Крестопоклонная седмица, как мы называем ее по-славянски. Все это должно помочь нам через размышления, молитвы, чтение Священного Писания не только понять, но и прочувствовать ту Божественную силу, которая прикоснулась к роду человеческому и каждому из нас и через страдания Сына Божиего принесла нам избавление.

Пусть переживания Крестопоклонной седмицы укрепят нас в вере, а также и в понимании того, что скорби, которые в нашей жизни случаются, необходимы, как необходима была величайшая скорбь Спасителя, пригвожденного ко кресту на Голгофе. Испытания и скорби не должны надламывать человека, тем более лишать его веры. А если начинается хоть малое колебание веры, которое часто сопровождается словами «Господи, где же Ты? Если бы Ты был, то этого бы не случилось!», — то, как только это дьявольское искушение коснется нашего сознания, посмотрим на крест и поймем, что Спаситель мира более всех пострадал, чтобы искупить человеческие грехи. А потому, может быть, и наши скорби Господь попускает для того, чтобы уже здесь, на земле, мы искупили свои грехи и были достойны войти в Его Божественное Царство.

Крестом ограждая себя от всякого зла, от всяких сомнений, от всяких колебаний в вере, будем с упованием на волю Божию идти по жизненному пути, памятуя о том, что жизненные испытания не ниспосылаются нам бессмысленно. В каждой скорби, через которую мы проходим, есть смысл, и он связан в первую очередь с искуплением наших личных грехов, дабы, оставив все эти грехи здесь, мы могли бы чистыми и светлыми войти в Царство Божественной славы.

Пресс-служба Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

ПОКАЯННАЯ ДИСЦИПЛИНА НА РУСИ

Автор публикации схиархимандрит Иоанн (Маслов, † 1991) принадлежал к тем редким исключительным людям, которые соединяют в себе широкие познания, огромное трудолюбие и ясновидящую мудрость, основанную на сердечной вере. Его глубокие по-своему содержанию, согретые чувством религиозного воодушевления и пастырской любви труды, продолжают великое дело, которому старец посвятил земную жизнь – спасение людей. Знакомство со статьей отца Иоанна о благочестивой жизни наших пращуров даст Бог укрепит нас в неотступном следованию вере Христовой – незамутненному источнику, веками питавшему великий русский народ

ДЕСЯТИНА ГОДА

Уклад церковной жизни в Древней Руси во многом отличался от современного и содержал во всей полноте черты глубокой христианской древности. Соблюдение церковного устава, церковных традиций находилось на должной высоте во всех слоях общества. В частности, неотъемлемой чертой русского народа было обязательное исполнение постов. Ярче всего это проявлялось в дни Святой Четырнадцатницы. Пошение в этот период было обставлено особенно строгой системой требований, обрядов и обычаев, которые охватывали всю духовную жизнь верующего. Отчасти это отношение к обрядовой стороне живо в народе и доныне. Однако ревность и строгость, существовавшие в то время, сейчас значительно ослабели. Ведь в сердцах древнерусских христиан горел немерцающий огонь любви к исполнению всех обычаев и уставов церковных. «Пост душу очищает, и тело просвещает, и на небо возводит, и ангелам равна творит, и к Богу приближает, и в рай святой вводит» (митрополит Киевский и всея Руси Фотий. † 1431).

Великий пост христиане проводили очень строго. Согласно древне-церковным указаниям, он признавался десятиной года, которую верующие посвящали своему Небесному Царю. С наступлением Великого поста разгул масленичного веселья уступал место покаянной молитве. По народному обычаю, берущему свое начало в глубокой древности, Великий пост предвещал «Прощенный день», или «Целовальник», в который повсеместно верующий народ испрашивал прощения друг у друга за все согрешения.

ТОМИТЬ ПЛОТЬ

Дисциплинарная сторона великого говения, зафиксированная впоследствии уставами, определявшими обрядовую жизнь Восточной Церкви, была далеко не единообразна. Русская Церковь, первоначально принявшая Студийский, а потом Иерусалимский устав, шла от снисходительного поста к более строгому, что вносило разнообразие в практику говения русского народа. Со временем строгость соблюдения поста вошла в русское общество так прочно, что стала как бы составной частью самой религиозной жизни народа, поражая своей самобытностью иностранцев. Так, Герберштейн пишет, что среди русских «некоторые принимают пищу в воскресенье и в субботу, а в остальные дни воздерживаются от всякой пищи, другие принимают пищу в воскресенье, вторник, четверг и субботу. Также весьма многие довольствуются куском хлеба с водой в понедельник, среду и пятницу». Как свидетельствует один из арабских путешественников, благочестивые русские люди в первые дни Великого поста без нужды не выходили из своих домов. Царь Алексей Михайлович, царица и их взрослые дети не принимали пищи в первые три дня поста. Они не только усердно посещали церковные службы, но и не опускали домашнее молитвенное правило. Только в среду после литургии Преждеосвященных даров царь вкушал сладкий компот и рассылал его боярам. С четверга до субботы он снова оставался без пищи, а в субботу причащался Святых Христовых Тайн. На первой неделе царь никуда не выходил из дома и никого не принимал. Подобным образом проводили первую неделю и вельможи. В течение всего поста, кроме праздника Благовещения, царь ел без масла капусту, грибы и ягоды. По воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам он ел однажды в день и пил квас. В остальные три дня недели он совсем не вкушал пищи, за исключением каких-либо торжеств.

На первой неделе Великого поста шумная русская столица словно засыпала. Никто без

нужды не появлялся на улице. Магазины в первые три дня были закрыты. Все жители не производили ни продажи, ни купли, но неотступно присутствовали за богослужением, носили простую одежду. Страстная седмица проводилась еще строже. Некоторые, наиболее ревностные христиане во весь пост не вкушали ничего приготовленного на огне, довольствуясь сухоядением, другие принимали пищу только на закате солнца. Родители заставляли поститься даже младенцев. По русской традиции, младенец мог питаться от груди матери только «два говенья», то есть менее года, после чего и он обязан был соблюдать посты. Но если ребенок был слабый, то за него, согласно церковным постановлениям, постилась мать.

О строгости соблюдения Великого поста на Руси архидиакон Павел Алеппский, посетивший Москву с Макарием, патриархом

Антиохийским, при патриархе Никоне, писал следующее: «В этот пост мы переносили с ним большие мучения, подражая им против воли, особенно в еде: мы не находили иной пищи, кроме размазни, похожей на вареный горох и бобы, ибо в этот пост вообще совсем не едят масла. По этой причине мы испытывали неопишемую муку... Как часто мы вздыхали и горевали по кушаньям нашей родины и заклинали, чтоб никто впредь (в Сирии) не жаловался на пост».

Православный русский народ с большой любовью нес подвиг поста. Ему гораздо труднее было воздержаться от спиртных напитков. И для того, чтобы предотвратить пьянство и разгул во время Великого поста, в начале поста стрельцы, по повелению царя, опечатывали все питейные дома, и они оставались закрытыми до истечения пасхальной среды. «Равным образом и в течение всего года питейные дома обыкновенно остаются закрытыми от кануна воскресенья до утра понедельника, так же делается во время больших праздников». Духовенство оказывало всемерную помощь в борьбе с этим народным пороком: «Кто не хочет поститься и ест рыбу и упивается вином, тех смиряют и отлучают власти и попы от церкви Божий и возлагают епитимию».

Кроме воздержания в пище и питии, уставом предусматривалась во время поста усиленная молитва с поклонами. В большинстве своем полагалось по 300, иногда по 400 ежедневных поклонов с уставными разьянениями. Так, например, предписывались поклоны большие и средние. Большие совершались головой до земли или на «коленицах», средние – в пояс. Они же назывались еще поясными и полагались только по субботам, воскресеньям и праздничным дням,

когда уставом предписывалось некоторое послабление в пище. Вообще поклоны были неотъемлемой частью как церковной, так и домашней молитвы православного русского человека. В подтверждение этого достаточно привести свидетельство Павла Алеппского, присутствовавшего в одном московском храме в 1656 г., в среду 5-й седмицы поста, во время чтения Великого канона преподобного Андрея Критского, что все молящиеся положили более тысячи земных поклонов, не считая поклонов до и после канона. Когда патриарх Никон хотел заменить земные поклоны на малые при совершении молитвы преподобного Ефрема Сирина и некоторых частных богослужений, то народ и духовенство возмутились и обвинили его в ереси и произволе, ссылаясь на преподобных Никона Черногорца и Иоанна Дамаскина, осуждавших «непоклонническую ересь».

течение недели. Но Патриарх благословил только на три дня. «Воевода издал приказ, чтобы в течение трех дней не резали скот и не открывали питейных домов... Все постились в течение этих трех дней строго, не вкушая ничего до 9-го часа, и стремились к службам церковным с полным благоговением и страхом, даже и маленькие дети». «В несчастье они тверды духом, – пишет в своем «Сказании» Я. Рейтенфельс, – не поддаются скорби, а к счастью равнодушны, что бы ни случилось, утешают себя словами: так Богу угодно, Он так все устроит к лучшему». Таково было отношение русских к посту.

Наивысшим подвигом во время поста считалось милосердие к ближним. Каждому христианину вменялось Церковью проявлять постоянную заботу о своих братьях, находящихся в бедности. «Убогия помилуйте, – говорит древнее поучение о посте, – нищих и немощных и на улице лежащих и сидящих посещайте, сушая же в темницы и беде милуйте и утешайте, нагия одевайте». Милостыня бедным в Древней Руси рассматривалась как необходимая спутница говенья, придающая ему нравственную ценность. «Аще кто постится, не творя милостыни, то не успеет ничтоже». «Пост на небо ведет человека, а милостыня в царство вселяет». «Милостыня бо совокуплена с пощением от смерти избавляет человека».

В Древней Руси бытовал еще и такой обычай – перед постом выпускать на волю птиц в надежде, что и Бог точно так же освободит от прегрешений. В дни поста считали необходимым находиться в мире и прощать всем обиды. Войско казачье не брало оружия в период всего Великого поста.

«Русские отличаются беспримерной благотворительностью по отношению к бедным, для их просьб у них всегда открыты уши и расжаты руки, так что в Москве можно видеть, как целые толпы нищих получают около домов богатых людей пищу» (Я. Рейтенфельс).

В XVII в. Павел Алеппский отмечал, что в Москве мало бедных, просящих милостыню, так как было «много домов для помешения их и ежедневная выдача потребного для жизни». Кроме того, бедные были распределены по разрядным спискам между боярами для получения ежедневного пропитания.

ТАИНСТВА ВО ОЧИЩЕНИЕ

Особое внимание древние проповедники уделяли принятию Святых Тайн; они увещевали верующих причащаться как можно чаще, чтобы не дать диаволу доступа к душе. В непостные периоды приготовление к принятию Святых Тайн должно было продолжаться одну неделю. Более строгим временем приготовления считались посты, по окончании которых верующие приступали к причащению, очистив себя таинством Покаяния от всякой греховной скверны. В Древней Руси (как и во всех восточных Церквях) был обычай причащаться Христовых Тайн именно в конце Великого поста, о чем свидетельствуют писатели XVI–XVII вв. Так, например, немецкий дипломат С. Герберштейн в своих «Записках о московских делах» говорит, что русские христиане «исповедаются около праздника Пасхи с великим благоговением и сокрушением сердца». Павел Алеппский днем исповеди называет Великий Четверг, а Олеарий – Великую Пятницу. Однако в последующее время разрешалось причащаться и в другие недели поста, и притом в каждом приходе дни исповеди устанавливались священнослужителями.

Исторические документы свидетельствуют, что благочестивые и богобоязненные христиане приобщались Святых Тайн каждую неделю Великого поста. Во многих местах Древней Руси был обычай прича-

По учению этих святых отцов, поклоны, как и пост, имели ту же задачу – «томить плоть свою, да не воет на дух». В «Истории о отцах и страдальцах Соловецких» есть рассказ об одном подвижнике, который на исповеди перед смертью открыл духовнику, что келейное правило он совершил вперед на 30 лет, т. е. положил бесчисленное число поклонов и прочитал сотни тысяч молитв. И этот случай не единственный. Так, преподобный Иосиф Волоцкий предписывал своим духовным детям делать в свободное время запас молитв и поклонов на будущее: «Аще ли день случится покоен, ино и на иной день вперед правила запастись лязя».

ВОЗГРЕВАТЬ ДУХ

Пост наряду с молитвой занимал важнейшее место в жизни русских людей: даже в непостные периоды постились ежедневно до 2–3 часов дня, строго соблюдали среды и пятницы, нередко добавляли к этому еще личные посты. По свидетельству Павла Алеппского, русские «все – от вельмож до бедняков – прибавляли к тому, что содержится в постановлениях Типикона, пост ежедневный до 9 часа или выхода от обедни». Об этом также упоминает в описании своего путешествия в Россию один из приближенных австрийского императора Максимилиана, И. Кобенцель: «А князь Дмитрий, главнейший из моих провожатых, не иначе савился за обед, как по отслушании обедни».

Во время бедствий первым единомышленным стремлением православных было обращение к покаянию, молитве и посту. В 1654 г., когда началась «моровая язва», к бывшему тогда в Коломне патриарху Александрийскому Макарию явились знатные горожане с просьбой благословить им строгий пост в

шать верующих и в самый день Святой Пасхи – не только взрослых, но и детей.

Церковный устав в Древней Руси строго предписывал соблюдение чистоты супружеской жизни. Особое воздержание соблюдалось в Великом посту и перед причащением Святых Тайн, согласно слову апостола Павла, советовавшего супругам иметь воздержание по взаимному согласию во время поста и молитвы. Вопрос о сроке воздержания супругов перед причащением и после него решался духовным отцом в зависимости от их внутреннего состояния.

ГРЕХОМ УВРАЧЕВАНИЕ

По церковным правилам того времени за тяжкие грехи на кающихся налагались епитимии, которые служили не средством наказания, а духовным врачевством, причем находившиеся под епитимией не имели права причащаться Святых Тайн до истечения ее срока; вместо Святого Причастия позволялось принимать святую богоявленскую воду с антидором.

Епитимии были тайные и публичные. Тайные епитимии предполагали воздержание от некоторых родов пищи (мяса, молока, меда), а также удаление на время от святыни и исполнение предписанных поклонов и молитв. Сроки таких епитимий были указаны в так называемых епитимийниках. Христианам, подвергшимся публичной епитимии, разрешалось древним уставом стоять в церкви только до литургии верных, а затем они выходили в притвор и стояли там до конца службы. Однако за вечерней и утреней им позволялось стоять в самой церкви. Эти епитимии в какой-то мере напоминали собой о покаянной дисциплине древней христианской Церкви.

Кроме того, публичное покаяние соединялось и с тайной епитимией, как-то: пост, молитва, плач и коленопреклонение до конца жизни. Такую, например, епитимию Собор 1575 г. наложил на царя Ивана Грозного за его четвертый брак.

Следует отметить, что публичная епитимия носила очень тяжелый характер. Грешник обязан был ежедневно посещать храм и оставаться за его дверями до окончания богослужения. Кроме того, ему запрещалось причащаться Святых Тайн до окончания епитимии, за исключением случая смертельной опасности. Он лишался также антидора и святой просфоры. Находившиеся под публичной епитимией не только не имели права делать приношения в церковь, но и отлучались от христианского общества. Церковные предписания запрещали духовному отцу входить в дома отлученных, присутствовать с ними на пиршествах и даже в одном доме. Кроме того, на исповедь не допускались те из христиан, которые не давали своего согласия отстать от греха. Но великого грешника, давшего обещание исправиться и обнаружившего покорность духовному отцу и желание исполнять его советы и заповеди, последний обязан был исповедовать.

Были еще публичные епитимии, так называемые сорокадневные. Этим епитимиям подвергались христиане, которые долгие годы не соблюдали поста и не были на исповеди. Публичным епитимиям подвергались лица инославного вероисповедания, перешедшие в Православие, или бывшие сектанты.

Лица, занимавшиеся волшебством или имевшие суеверные привычки, не только отлучались от храма, но и лишались права приношения. Разбой, убийство детей, кулачные бои, незаконные сожительства, незаконные браки (даже третий), развод, грехи против седьмой заповеди, воровство и мятежи – все это наказывалось публичной епитимией разной продолжительности.

ЖИТИЮ БЛАГОЧЕСТИЕ

Отличительной особенностью духовной жизни русского народа было благочестие, глубоко поражавшее иностранцев. В разные периоды это отмечали многие иностранные писатели. Например, в 1523 г. католик Альберт Кампензе писал папе Клименту VII о вере и нравах москвитян: «Они лучше нас следуют учению Евангельскому. Причащаются весьма часто (почти всякий раз, когда собираются в церковь). В церквях не заметно ничего неблагопристойного или бесчинного, напротив того, все, преклонив колена и простершись ниц, молятся с искренним усердием. Обмануть друг друга почитается у них ужасным, другим преступлением, прелюбодеяние, насилие весьма редки, противоестественные пороки совершенно

неизвестны, о клятвopеcтyплeнии и бoгoхyльcтвe вoвce нe cлышнo. Вooбщe oни глyбoкo пoчитaют Бoгa и cвятых Eгo».

Большим грехом у русских считалась гордость. «Гордость им совершенно чужда, и гордецов они в высшей степени ненавидят», – пишет Павел Алеппский.

Что касается других грехов и пороков, то их русские христиане всячески старались искоренить и загладить добродетелями. «Подлинно это народ христианский и чрезвычайно набожен!» – восклицает Павел Алеппский.

Но особенно ярко и подробно описана благочестивая жизнь русского народа в XVII в. в «Путешествии» Павла Алеппского, который дивился «порядкам в русских церквях, неуклонным посещениям служб церковных. Люди стоят от начала службы до конца неподвижно, как камни, непрерывно кладут земные поклоны и все вместе, как бы из одних уст, поют молитвы».

ДУХОВНОМУ СЛУЖЕНИЮ

В Древней Руси строгий богослужебный устав соблюдался не только в монастырях, но и во всех приходских церквях. Духовным идеалом людей того времени был монах – подвижник, всецело посвятивший себя служению Богу. Поэтому монастырский устав и определял всю жизнь русских людей. Отличие мирян состояло лишь в том, что они могли вступать в брак и заниматься мирскими делами, во всем же остальном должны были подражать монахам.

И в домашнем быту, и в общественной жизни чувствовался монастырский

уклада жизни русские люди чувствовали себя естественно, свободно и просто.

КРЕСТУ ПОКЛОНЕНИЕ

Образ жизни москвитян никогда не нарушал правил умеренности. Больше всего антиохийские гости дивились чрезвычайной скромности русских, смирению перед бедными и их частым молениям. «Каждый раз, когда они увидят издали кресты церквей, то обращаются к каждой из них и молятся, делая по три поклона». Всего в Москве во время Павла Алеппского было более 4 тысяч храмов, а престолов – более 10 тысяч. Все бояре, знатные люди, купцы имели свои домовые храмы.

«Москвитяне в делах веры более нас преданы обрядам: перед монастырями, церковью, изображением Святого Креста они никогда не забывают трижды перекреститься и произнести: "Господи, помилуй". Приближаясь к церкви, в которой совершалось богослужение, они никогда не проходили мимо, но входили и слушали обедню. Во всех делах своих москвитяне весьма религиозны, не выходят из дома, не сотворив трех поклонов, не оградив себя крестом и не произнеся трижды: "Господи, помилуй". Они и в разговор вступают не прежде, как совершив все это» – писал И. Кобенцель.

С большим благоговением совершался русскими людьми и вход в храм Божий. Входя, они полагали несколько земных поклонов, кланялись на все стороны тем, кто уже был в храме. «Что касается их крестного знамения, то оно совершается ударом пальцев о чело, перси и плечи, так же поступа-

уклад. «У всякого в доме, – писал Павел Алеппский, – имеется бесчисленное множество икон, украшенных драгоценностями, ибо любовь их к иконам и вера весьма велики. Они зажигают перед каждой иконой по свечке утром и вечером, знатные же люди зажигают особые светильники; русские привыкли молиться непременно перед иконой, устремив на нее взор, то есть действительно преклоняться перед ней». Они отличались такой любовью к иконам, что не смотрели «на красоту изображения», а глубоко почитали любую икону, даже если это было простое изображение на бумаге или детский рисунок. Кроме образов святых, во всей Московии нельзя было видеть других изображений.

Перед смертью русские обычно причащались и принимали монашеский постриг. «Так делали не только старики, но и юноши, молодые женщины, завещая свое имущество монастырям и церквям. Творец даровал русским царство, которого они достойны за то, что все заботы их – духовные, а не телесные. Таковы они все».

Павел Алеппский неоднократно подчеркивает, что часто и в мирской обстановке «им казалось, что они в монастыре». И хотя для него самого это было непривычно и трудно (он называет Россию «вратами борьбы, пота, трудов и пощени»), Павел справедливо отмечает, что монастырский уклад жизни не был чем-то извне насаждаемым, а наоборот, вытекал из внутренней, сердечной потребности глубоко верующего русского народа. Внешняя строгость была лишь проявлением сосредоточенности на внутренней, «невидимой» брани, стремления очистить себя от всякой нечистоты для единения с Богом. Поэтому и в рамках стро-

ют их дети, ибо вскормлены молоком веры и благочестия. Как они умеют, будучи маленькими, творить такое крестное знамение?! Как умеют кланяться присутствующим?! А мы не умели креститься подобно им, за что они насмехались над нами, говоря: "Почему вы проводите караулы на груди, а не ударяете пальцами о чело и плечи, как мы?" Мы радовались за них. Какая это благословенная страна, чисто православная!»

В обществе православные люди вели себя со всяким смирением и взаимной почитательностью. «При входе в дом, – пишет Я. Рейтенфельс, – русский... осеняет себя крестным знамением, приветствует присутствующих, сколько бы их в доме ни было, кланяясь головой каждому особо, и только после этого начинает говорить».

ПАСТЫРЯМ ПОЧИТАНИЕ

Особым почтением и уважением пользовалось у русских людей духовенство. Перед архиереем воеводы стояли с непокрытой головой, не смея сесть даже по приглашению. Так же почитательно относился народ и к простым сельским священникам. Всеобщее уважение к духовенству у русских основывалось не только на почитании сана как такового, но и на действительной духовности и нравственной высоте священников. Именно духовность русских священников была одним из источников, питавших и укреплявших веру Христову в сердцах людей.

С особым благоговением вело себя духовенство за богослужением. «В этой стране обедня совершается с полным благоговением, страхом и уважением к святыне», – писал Павел Алеппский. Русские священники в буквальном смысле слова полагали души «за други своя». Во время моровой язвы, когда множество жителей городов и сел бе-

жало, пытались спастись от страшной смерти, все священнослужители оставались в своих приходах. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из них пытался уехать. Не обращая внимания на смертельную опасность, русские пастыри исполняли дело Божие, обходили крестным ходом с мощами и иконами вокруг селений, усиленно молились, делали все, чтобы спасти от гибели своих пасомых.

ИНОСТРАНЦАМ ОГРАЖДЕНИЕ

Описывая праздники Павел Алеппский подчеркивает необыкновенную жизнерадостность, оптимизм русских. Его удивляет их «острый природный ум», духовная образованность, гостеприимство и радушие. В то же время он подчеркивает чрезвычайную сдержанность русских по отношению к иностранцам. Это объяснялось тем, что они с большой ревностью берегли духовный строй своей жизни, бдительно ограждая себя от чуждых влияний. Даже православных священнослужителей и монахов из-за рубежа принимали на Руси только как спутников какого-либо архиерея, либо тех, кто изъявлял желание остаться на Руси навсегда, чтобы молиться за царя, но в любом случае за ними вели строгое наблюдение, желая убедиться в их подлинной православности: «упражняются ли они непрестанно в смирении, молчании, посте и молитве», или бесчинствуют и ленятся. Для исправления всех нерадивых отправляли в дальние монастыри, а «за курение табака», как свидетельствует Павел Алеппский, спутников митрополита Мир Ликийских «архимандрита, мнимых родственников и дьякона немедленно сослали в заточение».

Греческих купцов на Руси совсем не пускали в церковь, считая, что они осквернились от турок. Если кто-либо из них хотел остаться на Руси навсегда, то его ставили в положение оглашенного (40 дней пребывал вне церкви), затем помазывали миром, читали над ним молитвы и только после этого принимали в церковное общение. А. Мейерберг замечает, что «москвитяне запрещают людям иноземной веры входить в свои церкви». По отношению к иностранцам инославного вероисповедания порядки были гораздо строже. Зарубежным купцам разрешали только торговать, но какое-либо духовное общение русских с ними было строго запрещено. «В деле веры они (русские) держат себя весьма далеко от иностранцев, чему мы видели с их стороны удивительные примеры», – замечает Павел Алеппский. Он же повествует, как патриарх Никон, «в высшей степени ненавидящий еретиков, выслал... франкских купцов из немцев, шведов и англичан» за пределы Москвы, так как однажды франки, пришедшие смотреть крестный ход, «не сняли шапок и не поклонились иконам и крестам». Поэтому все купцы, даже персидские, живут в страхе Божиим и смирении».

Весьма осторожным было и отношение русских к иноверцам, желавшим принять крещение. Их сначала 40 дней содержали в каком-либо монастыре, обучали истинам православной веры, а затем крестили. После этого их принимали в общение с большой любовью и не отличали от своих.

В своих записках Павел Алеппский отмечает, что Антиохийский патриарх Макарий и его спутники остались самого высокого мнения о русском благочестии и устройстве церковной жизни. Патриарх даже сказал: «Все эти благочестивые обычаи существовали прежде и у нас (в Антиохии), но мы их утратили, они перешли к этому народу и принесли у него плоды, коими он превзошел нас».

Но такое истинно православное отношение к жизни сформировалось у русского народа постепенно, в результате длительного влияния церковной дисциплины на общество, преодоление и искоренение в нем пагубных привычек, понуждение «всякого чина людям крепко печься о исповедании Христовой веры».

Из сказанного вытекают два вывода. Во-первых, говенье в Древней Руси понималось как процесс полного, всестороннего нравственного перерождения верующих. В этом процессе главное место отводилось посту, молитве, исповеди и причащению Святых Тайн. Во-вторых, Церковь и государственная власть в Древней Руси ревностно заботились о духовном совершенствовании народа и ступень за ступенью вели его к надлежащему пониманию и исполнению православных церковных установлений.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ

11 апреля по инициативе ООН ежегодно отмечается «Международный день освобождения узников фашистских концлагерей». Он установлен в память о восстании заключенных лагеря смерти Бухенвальд 11 апреля 1945 года. Накануне этой даты в напоминание о геноциде нацистской Германии против человечества мы приводим здесь «послужной список» крупнейших фашистских лагерей, в которых нашли мученическую кончину десятки миллионы людей. Вечная им память!

История цивилизации полна скорбными датами и ужасающими деяниями против человечества, многие из которых пришлось на XX век. Одну из самых страшных страниц в историю минувшего столетия вписали фашистские концентрационные лагеря, получившие название лагерей смерти.

Концлагеря как инструмент массового государственного террора и геноцида в фашистской Германии были созданы после прихода гитлеровцев к власти с целью изоляции и репрессирования противников нацистского режима. В годы Второй мировой войны, утверждая свое расовое превосходство, гитлеровская Германия создала гигантскую сеть концлагерей, превращенных в места организованного систематического уничтожения целых народов. Общее количество таких лагерей на территории Германии, ее стран-союзниц и на оккупированных ими территориях превышало 14 тыс. (не считая гетто, тюрем). Из 20 млн человек, прошедших через фильтрационные пункты концлагерей, было уничтожено свыше 11 млн, среди которых 5 млн граждан СССР.

Концлагеря проектировались как фабрики смерти, отлаженный конвейер которых превращал в пепел по несколько тысяч человек в сутки. Список самых жестоких из них открывают Дахау, Бухенвальд, Освенцим, Майданек, Маутхаузен, Трелинка, Саласпилс. Приводимый «послужной список» злодеяний немецкого конвейера смерти ужасает своим попранием человеческой жизни.

ДАХАУ – первый концентрационный лагерь фашистской Германии в Баварии, действующий с 1933 года. Во время войны в нем содержалось более 250 тыс. участников антифашистского движения Сопротивления и военнопленные, из которых около 70 тыс. были замучены или убиты, в том числе 12 тыс. советских граждан.

Концлагеря создали для исследования возможностей человеческого организма под воздействием на него различных факторов окружающей среды и новых лекарственных средств и методик с целью реализации идеи Гитлера по созданию непобедимой армии, состоящей из солдат со сверхспособностями. Вот почему узниками лагеря являлись преимущественно здоровые и молодые люди в возрасте от 20 до 45 лет.

Пленных заражали малярией; замораживали, на десятки часов оставляя на морозе; обливали холодной водой или погружали в нее; снижали температуру тела до 28 градусов; помещали в барокамеру с различным давлением и, изменяя нагрузку, моделировали экстремальные условия; все это, разумеется, без анестезии, поскольку считалась слишком дорогостоящей. Жертвы исследователя либо умирали в ходе эксперимента, либо становились инвалидами и позднее умерщвлялись, во избежание распространения информации о происходящем в Дахау.

К пленным относились как к животным. Их забивали как скот, вываривали тела и извлекали скелеты для создания макетов и

наглядных пособий; с трупов снимали кожу для изготовления из них седел и элементов одежды. Для подобного глумления над человеческими телами создавались отдельные блоки с необходимыми установками.

В специальных камерах также испытывалось воздействие на заключенных отравляющих газов и других токсических средств. Исследования, как правило, завершались вскрытием трупов и фиксацией результатов. Органы отправляли на исследование в институты и лаборатории Германии.

БУХЕНВАЛЬД – концлагерь, созданный в 1937 году недалеко от немецкого города Веймара. За годы существования через него прошли 240 тыс. человек, из которых более 56 тыс. было уничтожено, в том числе 19 тыс. советских военнопленных.

Для морального подавления заключенных на воротах лагеря была высечена фраза, усиливающая жестокость ситуации, в которой они оказались: «Каждому свое».

К 1945 году концлагерь располагал 66 филиалами. Наиболее крупным из них была «Дора», в подземных помещениях и цехах которого производились самолеты-снаряды

ОСВЕНЦИМ – самый большой лагерь уничтожения, расположенный близ польского города Краков, ставший одним из главных символов Холокоста. В нем постоянно содержалось до 250 тыс. узников. Через ворота концлагеря за годы войны прошло 4 млн. заключенных, из которых 1 млн. 400 тыс. были умерщвлены, в том числе 15 тыс. советских военнопленных.

Свое название «фабрика смерти» лагерь оправдывал со дня прибытия в него заключенных: разлучая с родными, их распределяя на две группы: тех, кого немедленно уничтожали (дети, инвалиды, старики, раненые) и тех, кого можно было еще использовать на работах и для проведения медицинских экспериментов.

Невыносимые условия содержания, изнурительная работа, постоянные побои, издевательства и голод приводили к полному истощению организма: ослабевших и не подающих надежды на быстрое выздоровление людей (вес узников порой составлял 25-35 кг.), отправляли на смерть в газовые камеры либо умерщвляли в больнице. Нацисты были весьма изобретательны.

«Фау». Большая часть заключенных погибла именно здесь. По замыслу нацистов, ни один из узников, который был занят в строительстве секретного подземного завода, а затем трудился в его цехах, не должен был выйти на поверхность живым. Все они считались носителями государственной тайны. Когда предприятие под землей заработало, на нем действовало сразу два конвейера: с одного сходили самолеты-снаряды, с другого – грузовые автомобили вывозило трупы узников для сжигания в крематории Бухенвальда.

Ряды погибших пополнялись и теми заключенными, над которыми проводились испытания вакцин: людей заражали сыпным тифом и туберкулезом, отравляли ядом, отслеживая течение их болезней. Конвейер смерти работал без остановок.

11 апреля 1945 года узники Бухенвальда, узнав о подходе к лагерю союзнических войск, спасая себя от физического истребления фашистами, организовали успешное восстание, обезоружили и захватили в плен охранников, взяв руководство над концлагерем в свои руки. В память об этом событии Организацией Объединенных Наций установлено отмечать ежегодно 11 апреля Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.

Одной из самых страшных страниц в истории Освенцима стали медицинские эксперименты, проводившиеся врачами СС, в том числе и над детьми (большинство детей погибло в газовых камерах сразу же после прибытия в лагерь). К примеру, профессор Клауберг с целью разработки быстрого метода биологического уничтожения славян проводил над заключенными эксперименты по стерилизации женщин, особенно молодых. А доктор Менгеле в рамках антропологических и генетических опытов осуществлял эксперименты на детях с физическими недостатками и детях-близнецах.

Помимо этого, в Освенциме осуществлялись различные эксперименты с применением новых фармацевтических препаратов и лекарств. Заключенных искусственно заражали малярией, гепатитом и другими опасными заболеваниями, в эпителии узников втирались различные токсические субстанции, проводилась пересадка кожи. Во время экспериментов многие, не выдерживая, погибали.

В сентябре 1941 года в концлагере была произведена попытка массового уничтожения людей при помощи ядовитого газа «Циклон Б». Тогда погибло около 600 советских военнопленных и 250 узников из лагерной

больницы. Освободившие Освенцим солдаты Красной Армии обнаружили на немецких складах несожженными около 7 тонн волос. Проведенный позднее анализ в Институте судебных экспертиз, показал, что на волосах имелись следы синильной кислоты – отравляющего компонента, который включался в состав газа «Циклон Б». Освенцим был единственным концлагерем, в котором узникам татуировали личные номера.

МАЙДАНЕК – второй по величине лагерь смерти в Европе, созданный осенью 1941 года на окраине города Люблин для устрашения поляков: из высокой трубы крематория круглые сутки валил черный дым; трупный запах стоял над городом, усмиряя, держа в страхе жителей.

В лагере преимущественно размещались депортированные из разных стран евреи с целью «окончательного решения еврейского вопроса», а также русские и поляки. В первый же год существования он стал самым доходным по эксплуатации труда заключенных, работающих на фабриках в 10 его филиалах; через год был третьим по числу постоянных узников во всей системе концлагерей и первым по количеству умирающих от истощения. По официальным данным, через него прошло не менее 150 тыс. заключенных, из которых 80 тыс. казнили.

Массовое уничтожение людей в газовых камерах началось в 1942 году, тогда же был запущен и крематорий для сожжения тел. Несмотря на то, что крематорий стал символом Майданека, трупы обычно сжигали в специальных ямах. Они горели днями.

ТРЕБЛИНКА – лагерь смерти, организованный нацистами в 1942 году недалеко от Варшавы исключительно для уничтожения еврейского населения оккупированной страны в рамках «реализации» государственной программы Третьего рейха по систематическому истреблению евреев и цыган. За год существования в концлагере было уничтожено более 850 тыс. человек.

С начала проведения операции в Треблинку стали прибывать евреи с разных уголков новообразованной нацистской империи, стремясь убежать от гонений у себя на родине. Немцы приложили немало изобретательности к тому, чтобы жертвы до последнего момента не понимали, что их ожидает смерть. Это позволяло значительно уменьшить штат охраны; в помощь им были приданы добровольцы из гражданского населения, большую часть которых составляли украинские националисты. Многие евреи из Западной и Центральной Европы прибывали в лагерь на обычных пассажирских поездах, оплатив свой билет и прихватив ценные вещи. Людям говорили, что их просто переселяют на восточные территории. В пункте прибытия была построена целая буфурская станция с указателями, показывающими направления в разные города, билетными кассами. Прибывавших даже встречал веселой музыкой настоящей оркестр.

С жителями Восточной Европы немцы не церемонились, доставляя их в лагерь как скот в битком набитых товарных вагонах.

Прибывших направляли на «дезинфекцию» в газовые камеры, замаскированные

были вынуждены непрерывно подниматься с каменными блоками весом более 50 кг по вырезанным в глине и практически непригодными для подъема 186 ступеням так называемой «Лестницы смерти». Многие узники, обессилив, часто падали и роняли свой груз. Камни катились вниз, нанося идущим сзади заключенным увечья. Виновных расстреливали на месте.

Однако самым страшным местом была не каменоломня. В Маутхаузене существовал особый блок под номером 20. В нем содержались советские военнопленные офицеры, признанные за нарушение лагерного режима и попытки к бегству «неисправимыми» администрацией других лагерей и подлежащие ликвидации. Прозванный «блоком смерти», он был отделен от общей территории лагеря дополнительной стеной, по которой было пущено электричество, а по периметру стояли вышки с пулеметами.

«Смертники» имели страшную «привилегию» – их не выгоняли на работу, на них отработывали навыки убийства человека голыми руками и подручными средствами. Существовала даже своеобразная «норма на смерть» – не менее 10 человек в день, которая постоянно перевыполнялась в 2-3 раза. Срок жизни заключенного в блоке не превышал нескольких недель.

В феврале 1945 года 400 советским военнопленным удалось совершить массовый побег, который вошел в историю как одно из крупнейших востаний во Второй Мировой войне. Выжить удалось лишь девяти.

Среди жертв Маутхаузена свыше 30 тыс. советских граждан, в том числе генерал-лейтенант Дмитрий Карбышев.

САЛАСПИЛС – «лагерь трудового воспитания» под Ригой, как официально именовался он в документах, на самом деле был самым жутким из фашистских концлагерей, получившим печальную известность из-за содержания в нем малолетних заключенных и организации «Фабрики детской донорской крови». Ее выкачивали из маленьких узников (в объеме от 500 мл в день и больше), пополняя запасы немецких госпиталей, в

которых лечились офицеры СС после ранения на фронте. Изможденные и заморенные голодом малыши, некоторым не было еще и пяти лет, цинично рассматривались как живые контейнеры, полные крови, либо как объекты изуверских медицинских экспериментов: детям, подопытным, ампутировали конечности, держали голыми на холоде по нескольку суток, на них испытывали всевозможные яды, добавляли им в пищу мышьяк или делали смертельные инъекции.

За время существования концлагеря с октября 1941 до осени 1944 года из детей было выкачено в общей сложности 3,5 тыс. литров крови. В большинстве случаев ее брали до тех пор, пока было что брать. Обессиленных от голода и забора крови и умирающих детей выносили из барачков и еще живыми сжигали в лагерной печи либо сбрасывали в утилизационные ямы. Из 12 тыс. советских детей, используемых в лагере в качестве доноров, погибло больше половины.

Кроме детей в нем содержались также советские военнопленные, антифашисты и евреи, депортированные из Германии для селекции и последующего уничтожения. Как показал на Нюрнбергском процессе генерал СС Еккельн, еженедельно в концлагерь прибывало по два-три эшелона с евреями. В каждом примерно тысяча человек. «Мы расстреляли, предположительно, около 87 тыс. евреев, прибывших в лагерь из других стран». Всего же в лагере было уничтожено в общей сложности свыше 100 тыс. человек.

Отступая под натиском Красной Армии, фашисты уничтожали следы своих преступлений на оккупированных ими территориях: раскапывали места массовых захоронений пленных, в том числе узников Саласпилса, а их останки спешно сжигали. Убивали и тех, кто участвовал в эксгумации детских тел.

Система концентрационных лагерей фашистской Германии была ликвидирована вместе с разгромом гитлеризма, осуждена в приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге (1945-1946 гг.) как преступление против человечности.

Из открытых источников

Самая массовая акция уничтожения евреев состоялась 3 ноября 1943 года. В ходе операции под кодовым названием «Эрнтефест» (праздник сбора урожая) было уничтожено 18 400 евреев: заключенных заставляли ложиться, подобно черепице, друг на друга лицом вниз в огромные рвы, а затем под музыку, льющуюся из громкоговорителей, последовательно убивали выстрелом в затылок. Бойня длилась весь день.

Умирали не только в газовых камерах и при расстрелах. Непосильная работа и скудное питание тоже быстро приближали неминуемую смерть. Узники должны были либо жить, работая на благо Германии, либо умереть. Впрочем, и из их смерти немцы стремились извлечь всю возможную выгоду: выдирали золотые зубы, срезали волосы, из жира варили мыло, пеплом сгоревших тел удобряли близлежащие поля.

Примечательно, что двое из пяти комендантов лагеря – Кох и Флорштедт – были расстреляны по суду самими же нацистами в 1945 году за коррупцию и присвоение имущества умерщвленных. Кох прославился еще и тем, что вместе с женой, прозванной «Бухенвальдской ведьмой», организовал изготовление абажуров и перчаток из человеческой кожи, намеренно убивая для этого заключенных с татуировками на теле.

Лагерь прекратил существование в июле 1944 года в результате наступления советских войск. Он стал первым в Европе мемориалом памяти жертв нацистского режима.

под душевые, предварительно сбывая волосы у женщин – ценный ресурс, который собирали и отправляли в Германию. В переполненные людскими камерами нагнетали угарный газ от двигателя тяжелого танка. Смерть наступала от удушья в течение получаса. Тела убитых закапывали в огромных рвах.

После успехов Красной Армии на фронте, нацисты, для сокрытия улик своих преступлений, весной 1943 года вырыли с помощью экскаваторов все трупы и сожгли их в огромных ямах, огонь в которых поддерживался на протяжении нескольких месяцев. Ликвидация лагеря была проведена профессионально и тщательно. Трупы уничтожены, здания разрушены, земля перепажана и засеяна быстро разрастающимся люпином.

Незадолго до ликвидации лагеря, узники, понимая, что немцы не оставят в живых свидетелей своих злодеяний, подняли восстание, которое было жестоко подавлено. Многим все же удалось уйти, они и оставили нам свидетельства об этой фабрике смерти.

МАУТХАУЗЕН – один из самых больших концлагерей в Европе. Расположенный на территории Австрии, он просуществовал с 1938 по 1945 год. Из 335 тыс. заключенных, содержащихся в нем, 122 766 человек были казнены нацистами.

Лагерь отличался самыми жестокими условиями содержания узников. По месту своего расположения на краю гранитного карьера, он называли не иначе, как костедробилка. В течение дня истощенные заключенные

«ПРИНЕСТИ СЕБЯ В ЖЕРТВУ»

ИНТЕРВЬЮ С ПРОТОИЕРЕЕМ ВЛАДИМИРОМ ВОРОБЬЕВЫМ

28 марта исполнилось 80 лет со дня рождения протоиерея Владимира Воробьева, настоятеля храма святителя Николая Мирликийского в Кузнецкой слободе, ректора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, одного из старейших московских клириков, снискавшего уважение собратьев священнослужителей и любовь духовных чад и прихожан. Движение «Россия Православная» присоединяется к поздравлениям и желает батюшке многая и благая лета!

— Отец Владимир, было ли для Вас неожиданным принятие священнического сана? Как это произошло?

— С одной стороны, неожиданным не было. Я с детства чувствовал, что должен стать священником. В семье мне часто рассказывали о деде — Владимире Николаевиче Воробьеве. Он был московским благочинным, членом епархиального совета патриарха Тихона. Его три раза арестовывали, и умер он в тюрьме в 1940-м году. А через год родился я — и отец назвал меня в честь моего деда, которого очень почитал и любил.

В детстве неоднократно случалось, когда мы с мамой приходили к какому-нибудь батюшке, он говорил, что я буду священником. Когда, уже будучи взрослым, я первый раз приехал к известному подвижнику архимандриту Серафиму (Тяпочкину), он тоже сказал, что мне надо быть священником. Я и сам это чувствовал и хотел этого.

С другой стороны, непонятно было, как это осуществить. Дело в том, что я вырос в интеллигентной семье, получил высшее образование, занимался наукой... В те времена в подобной ситуации трудно было представить, каким образом можно быть рукоположенным. В священники не рукополагали без семинарского образования. А в семинарию не брали с высшим светским образованием. Такой вот замкнутый круг.

Шло время. Я был уже кандидатом физико-математических наук, и вот однажды мой духовный отец протоиерей Всеволод Шпиллер сказал, что благословляет меня принимать сан. Он, правда, добавил, что сам не знает, как это может произойти. Однако я полагался на волю Божию и благословение духовного отца.

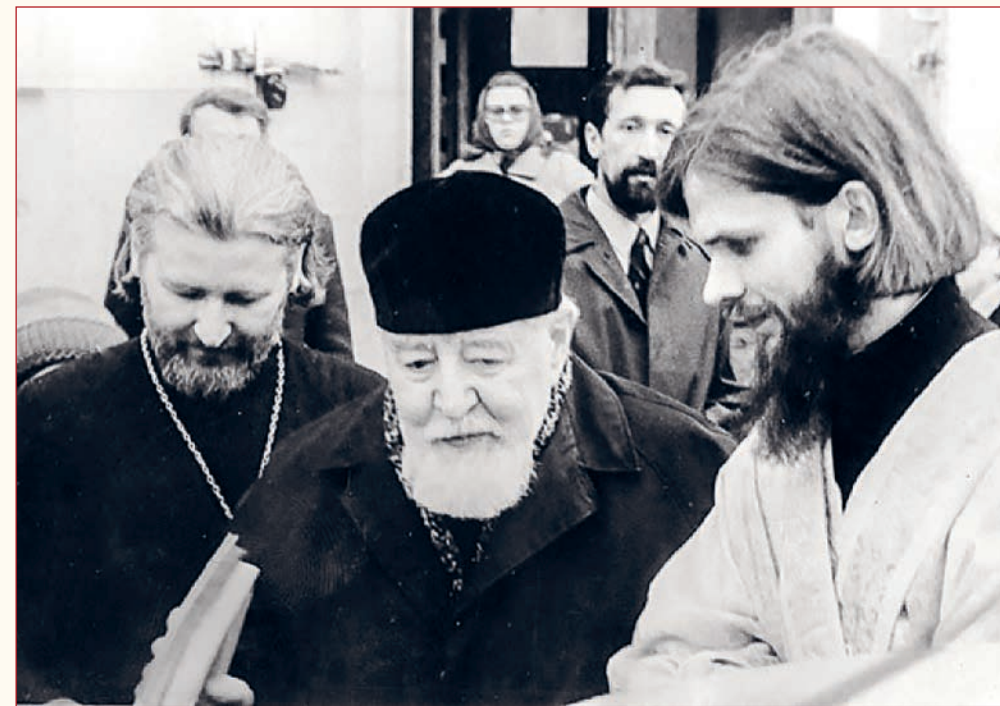
И все устроилось. Для того, чтобы поступить в семинарию, нужно было уйти из Академии Наук и пойти работать в храм. Все мои знакомые стали спрашивать, могут ли меня взять — истопником, алтарником, уборщиком — кем угодно. Но ни один священник не соглашался, потому что знал, что все рабочие места были под контролем уполномоченного по делам религий — была такая государственная должность. От этого человека в жизни любого прихода зависело очень многое — «гласный надзор» за церковной жизнью был весьма жестким. Все прекрасно понимали, что уполномоченный никогда не пропустит человека с высшим образованием, а тем более — кандидата наук. Священника, пожелай он меня принять, ожидали бы большие неприятности.

Поэтому найти место работы я не мог. В это время священник Николо-Кузнецкого храма отец Александр Куликов, был приглашен в Богоявленский собор для чтения проповеди — тогда был такой обычай: священники разных московских храмов должны были периодически читать проповедь в кафедральном соборе Москвы. После службы отец Александр подошел к старосте собора, Николаю Семеновичу Копчуку, и спросил у того, не нужны ли ему алтарники. И — совершенно неожиданно — Николай Семенович согласился взять на работу кандидата наук. Примерно полгода я проработал в Богоявленском соборе уборщиком алтаря.

— Бросить Академию наук, уйти подметать пол в храм. Сегодня эта история звучит почти как фантастический рассказ.

— Далее события развивались так. В собор нередко приезжал тогдашний ректор Московской духовной академии и семинарии архиепископ Владимир (Сабодан). И Николай Семенович попросил его взять меня в семинарию. Владыка согласился, но сказал мне, что я должен подать заявление 31 июля в 16 часов — не раньше. Дело в том, что до четырех часов все документы забирал на проверку уполномоченный. Но в четыре он уходил, а документы можно было подавать до пяти. Это и был мой единственный шанс. Так я и сделал. После подачи документов, по совету Владыки Владимира, я не появлялся дома. Как оказалось, не напрасно: когда в конце августа, уже после зачисления в семинарию, я приехал домой, почтовый ящик был забит повестками в военкомат — меня вызывали на военные сборы. Удивительно, что в течение долгого времени обо мне никто не вспоминал, а тут вдруг я понадобился. Наверное, это было неслучайно.

Следующие проблемы возникли в связи с моим рукоположением в священники. Инспектор академии и семинарии, ныне покойный архиепископ Александр (Тимофеев) сказал, что обычным порядком рукоположить меня не удастся. Причина была все та же: документы на рукоположение проверял уполномоченный, который ни за что не пропустил бы кандидата наук. Тем более что меня уже «проглядели», когда я поступал в семинарию. Однако и здесь мы нашли лазейку: Владыка Александр сказал, что во время страстной и пасхальной седмицы документы на проверку не забирают. Но рукоположения из-за этого не останавливали, а просто потом посылали документы постфактум.

— Так я стал священником. Уполномоченный был рассержен — он даже запретил на три месяца рукополагать москвичей. Первым после меня был рукоположен отец Дмитрий Смирнов.

— Отец Владимир, один из самых распространенных вопросов о священстве: зачем посредник между Богом и человеком? Ведь Церковь же говорит, что человек может и должен сам встретить Христа, и Христос должен жить в его сердце. Как это объяснить?

— Это как раз очень просто. Зачем человеку нужны мать или отец? Разве он не может сам вырасти, воспитать себя, образоваться и проч.? Ответ очевиден. Зачем ребенку нужен учитель? Думаю, что ответ и на этот во-

прос не вызывает сомнений. В большинстве цивилизаций учитель пользуется огромным уважением и почитанием. И это закономерно.

Если в обычной, повседневной жизни человеку нужны отец и мать, если на его интеллектуальном пути нужен наставник и учитель, то — тем более — для общения с Богом, для духовного пути, для вхождения в духовный мир, неведомый и таинственный — нужен помощник, проводник, поводырь. Для такого пути, для такой — не скажу, науки, но области сердечного знания, духовного опыта, наставник и учитель обязателен.

Как свечка зажигается от свечки, так обычно и сердце человека зажигается верой и любовью к Богу от другого сердца. Каждый, кому удалось в жизни встретить духовного учителя, знает, как это важно. Это жизненно необходимо — найти человека, сердце которого горит верой и любовью. Такая встреча может означать духовный переворот, духовное рождение. Почему о священнике говорят «духовный отец»? Потому что он — подобно отцу физическому — рождает человека в новую духовную жизнь. Как говорил апостол Павел: «Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием».

Родить для духовной жизни, для жизни с Богом, привести ко Христу — вот основная задача священника, задача посредника. И в ней нет — и не должно быть — ничего, мешающего общению с Богом. Наоборот. Такой посредник — это не лишнее звено, а необходимое, без которого встреча может и не произойти. Даже перед приходом Христа был посредник — Иоанн Креститель, Предтеча, который готовил народ израильский к

получили благодать по преемству своего служения, у них тоже были — и есть — духовные учителя, наставники, посредники. И это естественный, нормальный путь.

— Каковы, по-вашему, задачи священника? Что говорит о священническом служении Церковь?

— Священник несет в себе образ Христа. Поэтому служение священника есть служение Христово. А служение Христа было служением священника, царя и пророка-пастыря.

Во-первых, это есть именно служение священническое, посредническое, связующее человека и Бога, небо и землю. В отличие от ветхозаветных священнослужителей, приносивших Богу жертвы, Христос, дабы связать человека и Бога, Сам принес Себя в Жертву. И священник, будучи образом Христа, в своем служении становится жертвой, должен всегда приносить себя в жертву.

Каждый священник должен быть, прежде всего, священнослужителем, то есть — совершенным Таинством. Через него подается благодать Святого Духа для этого мира. Даже Христос крестился в Иордане не Сам, а с помощью Иоанна Крестителя. Так и нам нужен священник для совершения Таинств, через которые человеку посылается благодать Божия, и он входит в таинственное общение с Творцом.

Во-вторых, служение священника есть служение царское. Подобно Христу, который вел народ, священник является вождем своей паствы. Конечно, вождем в жизни духовной, а не общественно-политической. Священник должен вести народ к Богу, к добру, как власть имущий.

В-третьих, служение священника есть служение пророческое. Это служение проповеди, свидетельства Истины. И здесь священник тоже уподобляется Христу — он должен быть пастырем, то есть являть любовь, заботу, проповедовать слово Божие. Он должен и обличать, и научать.

— А что из перечисленного Вы бы поставили на первое место?

— Все служения священника важны и выделять что-то одно было бы, на мой взгляд, неправильным. Но я бы подчеркнул, что священник в своем служении сам становится жертвой. Это, если хотите, неизбежная закономерность нормального священнического служения. Это может произойти явным образом — во времена гонений на Церковь, или просто в повседневной жизни, когда священник полностью всего себя отдает людям. Это закон жизни. Мир так устроен, что без жертвы ничто доброе не совершается.

Священник обязан это понимать и не должен бояться смерти. Он должен всегда быть готовым пожертвовать собой, потому что он носит в себе образ Христа. И горе священнику, если он забудет о своем призвании, о том, что он вступил на путь служения Богу, и начнет здесь собирать себе богатство, или искать власти, станет уподобляться людям, которые не знают духовной жизни, не знают духовного мира. Тогда горе ему — напрасно он воспринял дар священства. Дар, конечно, трудный и ко многому обязывающий, но в то же время — приносящий столько радости и утешения, столько любви Божий и людской, что настоящий священник никогда не пожалеет о выборе своего пути.

В Русской Церкви есть выразительный обычай: когда совершается рукоположение в священники, то у рукополагаемого епископа снимается обручальное кольцо и кладет на престол — в знак того, что отныне он уже принадлежит в основном Богу, и даже его семья отходит на второй план.

– Мне представляется, что для многих наших читателей такое понимание священства станет открытием. Думаю, что Ваши слова звучат обязывающе не только для духовенства, но и для мирян, которые должны понимать жертвенность священнического пути и всячески помогать им?

– Не хотелось бы говорить на эту тему подробно, но – к сожалению – часто приходится сталкиваться с тем, что многие люди неблагодарны. Нередко легко верят разным наветам на своего духовника, по сути предадут его. Меня это всегда поражало: как же так? Ты столько лет знаешь своего духовного отца, он столько для тебя сделал, принял твои исповеди, молился за тебя, и вдруг ты сразу веришь каким-то сплетням, наговорам, пустой болтовне?!

Но мы живем в падшем мире. И предательство – свойство падшего человека. И как Христос был предан Иудой, как Его в какой-то момент оставили почти все ученики, так и священнику приходится испытать эту чашу.

– Но ведь священники – те же люди, как же они могут исполнить служение, которое кажется превышающим человеческие силы?

– Священническое служение требует сверхчеловеческих сил, превосходит все человеческое. Поэтому священство не есть результат заслуг человека, но благодатный дар. Поэтому нужна благодатная помощь Божья, для того, чтобы это служение исполнять.

Конечно, любой священник, будучи человеком, порой испытывает немощь, бессилие. Иногда в отчаянии взывает – как взывал к Богу пророк Моисей: «Разве я родил этот народ, разве могу носить его? Зачем Ты на меня возлагаешь такое бремя, которое я понести не могу?». Священник тоже, чувствуя свою немощь, очень часто взывает к Богу о помощи и говорит: «Я не могу совершить то, что должен. Господи, помоги мне». И эта помощь всегда приходит.

Любой искренний священник может свидетельствовать, что как бы ни был он немощен, как бы ни было ему тяжело и одиноко, но если он помолится от всего сердца во время литургии Богу, то обязательно получает помощь и силу для дальнейшего служения.

– Батюшка, говорят, что есть хорошие священники и плохие священники. Вы согласны с таким утверждением?

– Хороший священник – это тот, который совершает свое священническое служение с любовью, для которого его служение Богу, людям – это задача его жизни. Служение священника, пастырское служение – это, прежде всего, любовь, милосердие, смирение, кротость. Христос говорил: «Научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем». Прежде всего, священники должны научиться этому. Таких священников стало сейчас меньше, но они есть. Это хорошие пастыри, добрые. Это всегда видно: если батюшку ждет народ, то это о многом говорит. Бывают, конечно, случаи, когда настоящее пастырство подменяется сектантством, псевдостарчеством. Но все-таки обычно человек сердцем чувствует, где добрый пастырь.

– А возможно ли «отделить» священника от «просто человека»? Может ли плохой человек быть хорошим священником?

– Я не думаю, что можно человека разделить на части. Конечно, возможен хороший ученый – и одновременно злодей. Такое бывает. Но священническое служение – это не какое-то ремесло, которое можно исполнять хорошо, будучи нравственно гнилым.

Про священника нельзя сказать – хороший, потому что у него, скажем, красивый голос и поэтому он хорошо служит в храме. Но если в сердце нет любви и верности, то пастырское служение исполнять хорошо невозможно. Народ очень чутко относится к священнику, обмануть людей трудно. Да и зачем обманывать?

В этой связи нужно сделать оговорку: поскольку Таинства церковные совершает Сам Бог, и священник есть лишь проводник благодати, проводник этих Таинств, то его недолжное нравственное состояние не обязательно препятствует совершению Таинств. Но на восприятие, отношение людей дурное поведение священника влияет очень сильно, авторитету Церкви наносит тяжкий урон.

– Не секрет, что в современной жизни часто к священникам приходят с разными вопросами, не только с духовными, но и с бытовыми. Как отличить: сейчас священник

рассуждает как пастырь, а теперь – просто рассуждает вместе с тобой? И нужно ли вообще проводить такое отличие?

– Добрый пастырь всегда говорит как пастырь. Он не будет просто так сотрясать воздух, понимая, что слова священника отзываются в душах людей. Пустая болтовня – это совсем неприличное для пастыря занятие.

Священник сам должен обозначить, когда он просто вместе со своим духовным чадом рассуждает о каких-то жизненных вопросах, а когда говорит то, что, на его взгляд, важно исполнить, необходимо сделать. У апостола Павла есть слова, где он подчеркивает, что говорит от Господа, и где – просто от себя. Так и священник должен себя вести.

– Вряд ли приходящие в храм задаются вопросом, нужен или не нужен священник. Но что делать, если не находишь человека, у которого сердце горит любовью ко Христу? Или если сталкиваешься с невниманием, с грубостью?

– Я думаю, что священника нужно искать. Это как в школе: бывают учителя хорошие, а бывают плохие. И от того, что попался плохой учитель, дети обычно не бросают школу или учебу, а ищут хорошего учителя. Конечно, плохой учитель может оттолкнуть, может надолго затормозить обучение. Но все же не нужно отчаиваться, надо искать. А хорошие учителя есть. Можно с уверенностью сказать, что если бы не было хороших священников, то Церковь не стояла бы. Поэтому их можно найти.

– А как искать? Как понять, где, действительно, этот твой священник?

– Могу поделиться своим личным опытом. Моя молодость прошла при советской власти, когда еще было мало священников. Да и к тем нелегко было попасть, пообщаться. Но я всегда молился, чтобы Бог послал мне духовного отца, старца. Я даже говорил Богу, какого именно старца я хотел. И сейчас, на старости лет, могу засвидетельствовать со всей определенностью, что Бог исполнил буквально все мои просьбы. Просто буквально. И дал мне ровно то, что я хочу. Хотя тогда, когда я молился, это казалось несбыточной мечтой, чудом, казалось, что этого быть не может.

И я уверен, что именно так и надо делать – молиться Богу, прежде всего, просить у Бога и искать. И Бог обязательно пошлет.

– Не секрет, что сегодня, в силу разных причин отсутствует культура церковной жизни. И миряне нередко просто сваливают на плечи священника все свои заботы и попечения – причем далеко не всегда духовного свойства. Просто им не хочется думать, самостоятельно принимать решения. Пусть все за меня решает священник... Правильно ли это? Каково должно быть отношение прихожанина к своему пастырю? Как правильно относиться к священнику?

– Отчасти Ваше утверждение верно. Но только с поправкой: люди, которые хотят все перевалить на священника, одновременно с этим – как бы парадоксально это ни звучало – часто не способны к самому элементарному послушанию. Они хотят избежать ответственности, но не хотят трудиться – по лености, слабости, общей расслабленности.

Сейчас таких людей очень много. Как к этому относиться? А скажите, разве в школу приходят уже грамотные дети? Нет. Их учат. Так и к священнику приходит человек, который ничего не знает и ничего не умеет в духовной жизни. И священник будет его постепенно учить. Пусть человек приходит таким, какой он есть. А найти дорогу к его сердцу – это и есть основная задача пастыря. Не причислять всех под одну гребенку, а любовью открыть сердце каждого человека, нужным для него способом навстречу Богу и Истине.

– Иными словами, здесь не может быть никакого алгоритма. И мы, наверное, не можем сказать читателю: внимание! Сейчас мы вам все объясним – раз и навсегда... Вы ходите, это – дар Божий?

– Конечно, это дар Божий. Как хороший брак, хорошая семья – всегда дар Божий. Недаром говорят, что браки совершаются на небесах. То есть только Бог может соединить двух людей и сделать их счастливой семьей. Так и в отношениях человека и пастыря. Это дар Божий – когда пастырь дается человеку.

– Отец Владимир, недавно в редакцию пришло письмо читательницы с неприятным, острым вопросом: «От священников люди ждут чистоты нравственной, честности, и желают видеть в них подобие Христа. Но нередко мы сталкиваемся с другим. Я не понимаю, почему Церковь таких священников не обличает? И куда я, столкнувшись с неподобающим поведением священника, могу обратиться с жалобой?» Что бы Вы ей ответили?

– Пожаловаться всегда можно. Епископу. Епископ, в переводе с греческого буквально означает «блюститель», то есть это как раз та высшая инстанция, которая должна наблюдать за порядком, чтобы было все всегда хорошо. Роль епископа в Церкви чрезвычайно велика и важна. Поэтому к епископу всегда можно обратиться с жалобой.

Другой вопрос – когда нужно это делать. Я думаю, что сначала необходимо все очень тщательно проверить. Если окажется, что священником совершается очевидное злоупотребление, то надо сообщить правящему епископу. Покрывать безобразия не нужно.

Чего нельзя делать – клеветать на священника. Это очень большой грех, приносящий вред прежде всего самому человеку. По своему опыту могу сказать, что проще всего – если что-то смущает в священнике – откровенно поговорить с ним. Уверю Вас, что в большинстве случаев недоразумение разрешится.

– Нам приходится сталкиваться с полемикой между священниками по вопросам духовной, общественной жизни. А потом в пастве идут разговоры: «Мой батюшка сказал так! А мой – так!» Возникают сложности, противоречия... После публикации материалов авторитетных священников нам приходилось сталкиваться с негативной реакцией на эти тексты от других пастырей, не менее уважаемых... Что Вы думаете по этому поводу?

– Это неизбежно. Искать истину всегда очень трудно и мучительно. Апостол Павел говорил, что «надлежит быть и разномыслию между вами, чтобы открылись искус-

нейшие». То есть уже во времена первых христиан между ними были споры. Нам известно о полемике между апостолами Петром и Павлом. Повторяю, это неизбежно. Поиск истины включает в себя такую полемику.

Здесь, на мой взгляд, важно помнить одну раннехристианскую формулу: в главном – единство, в спорном – свобода и во всем – любовь. Очень важно, чтобы споры, которые служат выяснению истины, проходили в духе любви. Чтобы среди христиан не возникало ожесточения, недоверия друг к другу, подозрительности. Если это – споры в духе любви и в искреннем поиске истины, то они вреда не принесут.

Но если для кого-то его священник становится неким непогрешимым гуру, и такой человек говорит, что-то вроде: «А мне мой батюшка сказал так, и я больше знать ничего не хочу, потому что мой батюшка лучше всех все знает, он абсолютный святой», то это похоже на прелесть – лжедуховное состояние. Никогда никакой священник не может претендовать на то, что вся истина у него в кармане, у него одного, и что он все знает лучше всех. По крайней мере, святые люди никогда так не поступали и в таком духе не высказывались.

– Что чувствует священник во время исповеди или после исповеди? Мне кажется, что мы, миряне, зачастую даже не задумываемся о том, как это тяжело – выслушивать откровения сотен других людей...

– Это особый вопрос. Когда человек приходит и по-настоящему, со слезами кается, то совершается Таинство исповеди, которое недаром названо в Трехнике вторым крещением. Обычно такой бывает первая исповедь, или покаяние после тяжких грехов, или когда после долгого блуждания человек возвращается в храм. В такие моменты священник чувствует, как через него проходит благодать Божья, исцеляющая и возрождающая кающегося. Это всегда согревает сердце чувством победы, радости, чувством близости к Богу. Радуетесь об исцеленном человеке, радуетесь, что ты – священник, и Господу угодно было, чтобы это исцеление совершилось через тебя. Думаю, чувства эти похожи на то, что испытывает мать, когда рождается ребенок. Непередаваемое чувство – ощущение счастья, духовной радости...

К сожалению, большинство наших исповедей совершенно другие. Нередко приходится слышать рассказы об ужасных падениях и тяжких грехах, но не видеть настоящего покаяния: человек приходит, он весь сломлен, он весь раздавлен грехом, даже просит помощи... Но не кается по-настоящему. Приходится его убеждать, что нужно покаяться. Это очень тяжело, потому что он не слышит, он не готов, его надо как-то к этому привести... Если в первом случае, когда человек кается, самые страшные грехи преодолеваются, побеждаются, не оставляют этого гнетущего чувства, то во втором случае, когда человек не кается, груз грехов наваливается и на священника и придавливает его к земле. И остается чувство ужасной тяжести.

Это трудно словами передать... Исповедь – самое тяжелое священническое служение... Бывают и другие случаи. Когда люди приходят на исповедь формально, просто для того, чтобы «подойти и что-то сказать». Но при этом сердце у человека остается холодным. Может, у него нет даже больших грехов, но нет и этой горячности сердца, сердечного тепла. Нет больших грехов – хорошо, слава Богу. Но должно быть сознание необходимости духовного роста, духовной борьбы. Пускай не смертные грехи, но есть же у тебя гордыня, чувство алчности и так далее. И все это нужно преодолевать.

Особенно тяжело, когда человек приходит и начинает бранить окружающих вокруг, близких, родных, всех осуждает, и ни в чем не кается. И думает, что это его исповедь. И когда ему говоришь, что это не исповедь, он просто не слышит. От таких встреч остается усталость, сознание неисполненного долга, невыполненного служения. Это похоже на то, как врач лечит больного, но не находит, чем ему помочь. И, тем не менее, священник должен горячо молиться и за таких духовно расслабленных людей, зная, что любой человек свободен, любой человек может изменить свое сердце, а там, где есть горячее желание меняться, но не хватает человеческих сил – там действует Бог. Невозможное человеку возможно Богу.

ВЕЧНАЯ ПАСХА ДАХАУ

Рассказ бывшего узника фашистского концлагеря Дахау Глеба Александровича Рара о том, как выжившие заключенные «фабрики смерти» праздновали 6 мая 1945 года Святую Пасху

«Концлагерь Дахау, 27 апреля 1945 года. Последний транспорт с заключенными прибывает из Бухенвальда. Из первоначально направлявшихся в Дахау 5.000 человек я был среди тех 1.300, которые пережили эту перевозку. Многие были расстреляны, некоторые умерли с голоду, другие – от тифа...

28 апреля: Я и мои соузники слышим бомбардировку Мюнхена, происходящую приблизительно в 30 км от нашего концлагеря. Когда звук артиллерии приближается с запада и севера, выдаются приказы, категорически запрещающие заключенным под угрозой смертной казни покидать свои бараки. В то время, как солдаты СС на мотоциклах патрулируют по лагерю, пулеметы направлены на нас со сторожевых башен, окружающих лагерь.

29 апреля: К шуму от артиллерии примешались звуки пулеметных залпов. Свист гранат несется со всех сторон над всем лагерем. Вдруг белые флаги поднимаются над башнями, это – знак надежды, что СС скорее будет сдаваться, чем расстреливать всех заключенных и сопротивляться до последнего человека. И тут, около 6 часов вечера, слышится непонятный шум, исходящий откуда-то вблизи лагерных ворот, и который очень быстро усиливается... И, наконец, голоса 32.600 узников сливаются в своем ликование при виде первых американских солдат, появившихся прямо за колючей проволокой лагеря».

[Звук возник от растущего осознания свободы. Офицер Седьмой Армии США описал приветствие по-своему: «Через несколько сотен ярдов от главных ворот с внутренней стороны мы наткнулись на само лагерное ограждение. Перед нами позади колючей проволоки, находящейся под электрическим напряжением, стояла масса радостных, полубезумных мужчин, женщин и детей, машущих и кричащих от радости – пришли их освободители! Это был непостижимый шум! Каждый из более 32000 человек, кто мог выдать хоть звук, радовался. Наши сердца рыдали, когда мы видели слезы счастья, катящиеся по их щекам».]

Г.А. Рар продолжает свой рассказ:

«Некоторое время спустя, когда отключено электрическое напряжение, врата открываются и американские военнослужащие заходят внутрь лагеря. Когда они с широко раскрытыми глазами смотрят на нашу изголодавшуюся толпу, страдающую от тифа и дизентерии, они скорее походят на пятнадцатилетних подростков, чем на испытанных в бою военных.

Создается международный комитет из заключенных, который берет на себя управление лагерем. Продукты со складов СС передаются в распоряжение лагерной кухни. Один отряд американской армии также предоставляет некоторую провизию, и таким образом я впервые имею возможность отведать американской кукурузы. По распоряжению одного американского офицера радиоприемники изымаются у «выдающихся нацистов» в городке Дахау и распределяются между разными национальными группами заключенных. Поступают новости: Гитлер покончил самоубийством, русские взяли Берлин, немецкие войска сдались на юге и на севере. Однако бои еще бушуют в Австрии и Чехословакии...

Конечно, я все это время отдавал себе отчет в том, что эти многозначительные события происходили во время Страстной седмицы. Но как мы отметим ее, помимо нашей тихой, частной молитвы? Один соузник и главный переводчик Международного комитета заключенных, Борис Ф., навестил меня в «блоке 27» – моем бараке для зараженных тифом, чтобы уведомить меня о предприни-

маемых попытках организовать совместно с Греческим и Югославским комитетами заключенных православное богослужение в День Святой Пасхи 6 мая.

Среди заключенных находились православные священники, диаконы и монахи со Святой Горы Афон. Но не было ни облачений, ни каких-либо книг, икон, свечей, просфор, вина... Попытки раздобыть все эти предметы из русского прихода в Мюнхене не были увенчаны успехом, поскольку американцам не удалось найти кого-либо из этого прихода в разрушенном городе.

Но была вера и милость Божия, явившаяся в это страшное место.

Удалось все же решить некоторые из этих проблем: приблизительно 400 заключенным католическим священникам фашистами было разрешено остаться вместе в одном бараке и служить мессе каждое утро перед уходом на работу. Они нам, православным, предложили воспользоваться их молитвенной комнатой в «блоке 26», который был как раз напротив, через улицу от моего собственного блока.

Кроме деревянного стола и списка иконы Ченстоховской Божией Матери, висевшей на

прикреплены к полотняным облачениям.

В День Святой Пасхи, 6 мая, который знаменательным образом в этом году приходился на день памяти великомученика Георгия Победоносца, сербы, греки и русские собрались у барака католических священников.

Несмотря на то, что русские в Дахау составляли примерно 40% от общего числа заключенных, лишь только немногим удалось принять участие в богослужении. К тому времени «репатриационные офицеры» специального отряда «СМЕРША» уже прибыли в Дахау на американских военных самолетах, и начали возводить новые отгородки из колючей проволоки с целью изолировать советских граждан от прочих заключенных, что было первым шагом для приготовления их к возможной насильственной репатриации.

За всю историю Православной Церкви, вероятно, не было такого пасхального богослужения, как в Дахау в 1945 году. Греческие и сербские священники и сербский диакон облачились в самодельные «ризмы», надетыми прямо на серо-голубые полосатые тюремные одежды. Служили по памяти. Пасхальный канон, пасхальные стихиры – все

которого через отверстие в крыше опустили перед ногами Христа Спасителя, греческий архимандрит Мелетий был принесен в часовню на носилках, где он пробыл лежащим во время богослужения, не в силах подняться, молясь и крестясь вместе со всеми.

Священнослужители, участвовавшие в пасхальном богослужении в Дахау в 1945 году, теперь поминаются за каждой Божественной литургией в русской Часовне-памятнике в Дахау вместе со всеми православными христианами, «на месте сем и в иных местах мучения умученных и убиенных».

* * *

Глеб Александрович Рар (†2006) – известный церковный и общественный деятель старой русской эмиграции, журналист, публицист, член Народно-трудового союза, долгие годы председатель Свято-Князь-Владимирского братства, всю свою жизнь посвятивший служению Церкви и России.

История проведения праздничной службы на Пасху в концлагере Дахау была принята близко к сердцу архиепископом Клиским Лонгиным (Тальпин, †2014), хорошо знавшим Глеба Александровича Рара, участника той невероятной пасхальной службы.

Как вспоминал владыка, Глебу Александровичу, как верующему человеку, было обидно и больно, что за столько людей, отдавших за Христа и мир на земле свои жизни, на территории бывшего концлагеря нет места, где совершалась бы поминальная служба и где можно было бы вознести о них молитву. «Это был наш священный долг – поставить православный храм на месте мучений тысяч православных людей!»

Приехав в Москву и встретившись со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, владыка Лонгин рассказал об этом событии и о необходимости построить часовню в Дахау. Его Святейшество горячо поддержал намерения и благословил владыку на строительство.

В 1994 году сруб часовни изготовили на предприятии во Владимирской области, затем по частям погрузили в вагоны и на железнодорожном составе перевезли в Германию, где российские военные инженеры Западной группы войск установили часовню в мемориальном комплексе на месте лагеря смерти в Дахау. За престолом часовни, представляющей собой копию северо-русской шатровой церкви, находится икона, на которой изображены ангелы, отворяющие врата концентрационного лагеря Дахау и Сам Христос, выводящий пленных на свободу.

29 апреля 1995 года, в День 50-летия освобождения узников Дахау, бывший офицер-фронтовик митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай освятил часовню в честь Воскресения Христова, а осенью того же года Святейший Патриарх Алексий II отслужил в ней заупокойную литию за всех православных узников, погибших на немецкой земле. Вечная им память!

По материалам открытых источников

стене над столом, часовенка была совершенно пустой. Первообраз святыни происходил из Константинополя, откуда был привезен в г. Бельц в Галиции. Но впоследствии икона была отнята от православных польским королем. Однако когда Русская Армия изгнала наполеоновские войска из Ченстоховы, аббат Ченстоховского монастыря вручил список иконы Императору Александру I, который поставил ее в Казанском соборе в Санкт-Петербурге, где она почиталась верующими до самого захвата власти большевиками.

Нашелся и весьма изобретательный выход из положения в связи с облачениями. Были взяты холстинные полотенца из больницы бывших СС-совских надзирателей. Когда два полотенца сшивали вместе по длине, они образовывали собой епитрахиль, а когда их сшивали вместе по концам, получался орарь. Красные кресты, первоначально предназначенные для ношения медицинским персоналом СС-совской охраны, были

пели наизусть. После возгласа священника хор пел песнопения, переходя с греческого, на церковно-славянский, а затем снова на греческий. Евангелие – «В начале было Слово» – то же по памяти. И, наконец, «Слово о Пасхе» святителя Иоанна Златоуста.

Молодой греческий монах-святогорец вышел перед отцами, поклонился и дрожащим от волнения голосом стал наизусть читать его с таким проникновенным энтузиазмом, что это мы никогда не забудем до конца нашей жизни. Казалось, что сам Иоанн Златоуст говорил через него к нам и также ко всему остальному миру! Монах говорил Слово и плакал. И все вокруг тоже плакали. Из самого сердца смерти из глубин этого зменого ада возносились слова: «Христос Воскресе!» И в ответ раздавалось: «Воистину Воскресе!»

Восемнадцать православных священников и один диакон участвовали в этой незабываемой службе. Подобно расслабленному,